

Януш Корчак

ЛЕТО В МИХАЛУВКЕ

*Перевод с польского
Кинги Сенкевич*

ЛЕТО В ВИЛЬГЕЛЬМУВКЕ

*Перевод с польского
Виктории Фёдоровой*

*Иллюстрации
Каси Денисевич*

Москва

Самокат

УДК 821.162.1:37.012-37.03

ББК 84(4Пол)6-4:74.00

К70

Корчак, Януш.

К70 Лето в Михалувке. Лето в Вильгельмувке [для младшего и среднего школьного возраста] / Януш Корчак; пер. с пол. Кинги Сенкевич, Виктории Фёдоровой; ил. Каси Денисевич. — М. : Самокат, 2020. — 368 с. : ил. — ISBN 978-5-00167-115-2.

Повести Януша Корчака «Лето в Михалувке» и «Лето в Вильгельмувке» («Moski, Joski i Srule» и «Jozki, Jaski i Franki») были впервые опубликованы в Варшаве в 1910–1911 годах. Поразительно, насколько актуальными и современными могут быть книги, написанные больше 100 лет назад, насколько стиль и идеи Корчака не устарели со временем. Так и хочется побывать в этих летних лагерях вместе с теми детьми: сразиться за право съесть горбушку, побыть присяжным на суде, построить корабли на деревьях, собрать корзину грибов или послушать перед сном те самые истории того самого Януша Корчака.

Повесть «Лето в Михалувке» публикуется в классическом переводе Кинги Сенкевич. Повесть «Лето в Вильгельмувке», а также восьмая глава из повести «Лето в Михалувке» публикуются на русском языке впервые в переводе Виктории Фёдоровой.

Издательство просит откликнуться наследников авторских прав Сенкевич Кинги Эмильевны (1917–1993) для заключения лицензионного соглашения и получения гонорара.

© Виктория Фёдорова, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательский дом «Самокат», 2020

ISBN 978-5-00167-115-2

Вступительное слово

О сердцах, которые умеют любить и прощать...

Януш Корчак — тот самый педагог, который отправился вместе со своими воспитанниками в лагерь смерти Трешлинка, хотя ему не раз и не два предлагали возможность спастись. Возможность избежать страшной участи — но одному, без двухсот еврейских детей из основанного им «Дома сирот». Он выбрал детей и, тем самым, — то, что было им уготовано.

Януш Корчак — тот самый писатель, который придумал короля Матиуша Первого, книжка о котором объединяет многие поколения детей. Я сама — из поколения, выросшего на этой книжке, одновременно радостной и душераздирающей. В детстве история мальчика-короля работает как тренажер эм-

патии, а еще, неожиданным образом, как некоторое окно в реальность: она дает понять, что не все сказки, не все истории и вообще совсем не всё на свете заканчивается универсальным «и они жили долго и счастливо». Если же перечитать «Матиуша» взрослым, то поражает вот что: в 1923 году, почти за тридцать лет до Сэлинджера и вообще того, как это стало важной темой литературы, Корчак описывает конфликт незрелого и зрелого мира. Трагедия маленького короля Матиуша не в том, что он не умеет управлять государством или вести войну, а в том, что он вообще не принадлежит миру, где царит госбюрократия и ведутся войны.

Две полудокументальные повести, соединенные в этой книжке, — это как раз хроники балансирования между детским и взрослым мирами. При том что и тот, и другой здесь присутствуют в своих радикальных проявлениях.

Корчак вместе со своими единомышленниками вывозит детей из беднейших еврейских семей на летний отдых, в специально организованную для них «колонию». Повседневная реальность этих детей — нищета, часто насилие и вообще непроглядность (автор как будто вскользь, но намеренно жестко то и дело упоминает о том, в каком мире вообще-то живут его питомцы). Корчаковская летняя колония с ее легкими правилами и абсолютной всеобщей доброжелательностью представляет собой

как будто бы полную антитезу этому миру, но при этом не блокирует реальность, а готовит к ней.

В повести «Лето в Вильгельмукке» есть такой эпизод. Три мальчика разорили птичье гнездо. По правилам колонии — это преступление, за которое провинившиеся должны быть подвергнуты суду. Суд состоит из самих детей-колонистов: они сами готовят обвинительную речь и защиту, они сами выносят судебное решение.

«Обвинитель» требует сурового наказания (худшее из возможных — стоять на коленях в течение двадцати минут). Но «защитник» говорит вот что.

«Судьи, я вас уверяю — если бы сама эта птаха присутствовала здесь и могла к вам обратиться, она бы наверняка сказала: “Мальчики нанесли нам очень, очень большой вред, но простите их, потому что наказание не вернет нам нашего дома и детей наших не воскресит. Но попросите их, чтоб они никогда больше так не делали. Потому что у нас есть сердца, которые умеют любить и прощать”».

Мальчиков простили. Не оправдали, а именно простили. Потому что, да, преступление совершенно, но ведь ясно, что слушать обвинителя, объясняющего, что теперь птенцы никогда не вылупятся из яиц, видеть осуждающие взгляды товарищей — это достаточная кара.

Корчак готовит детей не к выдуманному миру, где нет судов, а к лучшему миру, в котором суды мо-

гут быть такими. Это во многом перекликается с великим тезисом психолога Виктора Франкла, прошедшего Освенцим и оставившего об этом поразительные оптимистические воспоминания. Точно так же, как самолет, выбравший «реальную» траекторию пути, непременно отклонится от курса из-за силы ветра, говорит Франкл, человек, которого оценивают «объективно», непременно покажет себя хуже этой оценки: из-за силы обстоятельств и вообще условий жизни. В то время как восторженная оценка заставляет его тянуться к заданному ей завышенному стандарту и проявлять себя лучше.

Недлинные воспоминания Януша Корчака о двух летних поездках с детьми как будто катализируют такой подход. И это — как часто бывает с текстами Корчака — одновременно радостно и душевраздирающе. Радостно — потому что им всем там было очень хорошо. Душевраздирающе — потому что мир этого не услышал. Да вообще-то и до сих пор не слышит.

Анна Наринская,
журналист, литературный критик

Лето
в Михалювке

Очень коротенькое вступление

На Свентокшистской улице в Варшаве стоит невысокий старый дом, при доме — большой двор. Во дворе собираются дети, которых отправляют на лето в деревню, а в самом старом доме помещается контора Общества летних колоний*.

Детей отправляют под надзором воспитателей в колонии, и о каждой такой колонии можно было бы написать целую книжку.

Я расскажу вам, как жили в колонии в Михалувке еврейские мальчики. Я был у них воспитателем. Выдумывать не стану, а расскажу только то, что видел и слышал.

Рассказ будет интересный.

* Колония (*устар.*) — детский лагерь отдыха и оздоровления (*здесь и далее примеч. пер.*).

Глава первая
На вокзале. — Воспитатели
ставят мальчиков в пары
и отводят в вагоны.

Поезд уходит только через час, а десятки колонистов уже вертятся на вокзале, размахивают своими холщовыми мешками и с нетерпением ждут, когда их начнут ставить в пары и поведут в вагоны.

Тот, кто опоздает, в колонию не поедет, так что и родители, и дети начеку.

Вчера на Свентокшистской уже становились в пары, поэтому каждый знает, какой воспитатель вызовет его по тетрадке.

И мальчики внимательно присматриваются: какой он, этот воспитатель, добрый или злой, можно ли будет залезать на деревья, бросать в белок шишками и по вечерам шуметь в спальне? Так, разумеется, думают только те, кто уже побывал в колонии.

Пока еще трудно сказать, почему одни мальчики умытые и опрятные, а другие — чумазые и одеты

неряшливо, почему одни говорят громко и глядят весело и смело, а другие — испуганно жмутся к матери или норовят отойти в сторонку. Еще неизвестно, почему одних провожают родители, братья и сестры и суют им пряники на дорогу, а других никто не провожает, и никто им ничего на дорогу не дает.

Через два-три дня, когда познакомимся, будем знать всё. А пока давайте становиться в пары.

— Первая пара: Гуркевич и Краузе!

Никто не откликается!

— Нет их, — отвечают из толпы.

И уже кто-то просит, чтобы вместо неявившихся взяли его ребенка: ведь он такой слабый! Не всех детей отправляют за город: бедных и слабых гораздо больше, чем мест в колонии. Солнца и леса хватило бы на всех, а вот денег на молоко и хлеб у Общества не хватает.

— Вторая пара: Соболев и Рехтлебен.

— Здесь! — кричит Соболев, энергично проталкиваясь вперед.

Раскрасневшийся мальчуган останавливается перед воспитателем, улыбаясь и вопросительно заглядывая ему в глаза.

— Молодец, Соболев! А ну-ка, скажи: ты озорник?

— Озорник, — отвечает Соболев со смехом и, обращаясь к провожающей его сестре, командует: — Все в порядке, можешь идти домой.

Восьмилетний мальчик, который в первый раз едет один в колонию и вот так сумел пробиться сквозь толпу взрослых, а сейчас стоит передо мной чисто вымытый, улыбающийся, готовый в путь, обязательно должен быть молодцом и милым озорником. Так и оказалось. Он быстрее всех научился застилать постель и играть в домино, никогда не мерз, ни на кого не жаловался, просыпался с улыбкой и засыпал улыбаясь.

— Фишбин и Миллер-старший, третья пара.

— Здесь, — быстро, словно испуганно, отвечает отец Фишбина. Оба, и отец и сын, стоят совсем близко — видно, беспокоились, как бы не пропустить свою очередь.

— Маленький Миллер и Эино. Эльвинг и Плоцкий.

Гуркевич решил не спать всю ночь, чтобы не опоздать, а утром мать едва его добудилась и привела на вокзал полусонного. Он, единственный из всей группы, заснул в поезде.

Восьмая, девятая, десятая пара.

Толкотня, прощание, напутствия, просьбы.

— Не отходите, сейчас поедем.

Звонок.

Пара за парой, группа за группой мы проходим через вокзал на перрон и садимся в вагоны. Кто порасторопнее, занимает место у окна и сможет еще раз улыбнуться родителям на прощание.

Второй звонок, третий.

Старшие запевают песню колонистов: про лес, про то, как незаметно летят веселые минуты. Поезд трогается.

— Шапки держать!

Когда едут в колонию, всегда кто-нибудь да теряет по дороге шапку. Так уж повелось...